[10] О специфичности категории притяжательных прилагательных в праславянском языке и на начальных этапах развития отдельных славянских языков см.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968, т. 3. Об изменении значения и замене существительного, 385—386, 410; *Трубецкой Н. С.* О притяжательных прилагательных (possessiva) старославянского языка. — В кн.: Зборник лингвистичких и филолошких расправа. А. Белићу о четрдесетогодишњици његова научног рада. Београд, 1937, 16; *Фролова С. В.* К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка. — Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та 32, 1960, 326; *Ревзин И. И.* Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, 44—46; *Марojевић Р.* Указ. соч., 7—14.

[11] *Дыбо В. А.* Ударение притяжательных прилагательных на *-ьj-* в праславянском. — В кн.: Лингвотипологические исследования. М. 1973, т. 1, ч. 1, 205—220; *Он же.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981, 158—170.

[12] См.: *Виноградова В. Л.* Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л., 1978, т. 5, 237—238 и цитируемую здесь литературу.

[13] *Караџић В.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. 2 изд. Беч, 1852, 34—35.

[14] Српске народне пјесме В. Караџића. Беч, 1841, књ. 1, 190.

[15] *Марojевић Р.* Прасловенска adiectiva possessiva типа *Tvorimiťičь* (од патронима типа *Tvorimiťičь*), њихова судбина и трагови у словенским језицима. — ЈФ XXXVIII, 1982, 89—109.

Авторизованный перевод с сербохорватского И. П. Петлевой

И. Г. Добродомов

ЕЩЕ РАЗ О СЛАВЯНСКИХ ВАРИАНТАХ **sabja, *šabja*

По поводу этимологического толкования русского и других славянских наименований холодного оружия в виде однолезвийного меча с изогнутым стальным клинком типа *сабля*, *шабля* и т. п. существует большая и противоречивая литература, в которой зачастую выводы делаются на весьма ограниченном материале, иногда даже без достаточного рассмотрения отношений между формами внутри славянского языкового мира.

На славянской почве русская форма (*сабля*) вместе с южнославянскими (болг. *сабя*, макед. *сабја*, с.-хорв. *сабља*, словен. *sâbja*) четко противопоставляется западнославянским формам (польск. *szabla*) вместе с украинско-белорусской (*шабля*). Это противопоставление базируется на различии начальных согласных *с-*, *ш-*, пока еще не получившем достаточно убедительного объяснения. Западноевропейский и венгерский материал в силу его вторичности и производного характера от славянского источника едва ли может дать что-нибудь ценное для этимологии.

Противопоставление рус. *сабля* болгаро-македонским формам *сабя — сабја* позволяет для более древнего состояния реконструировать праформу **sabja* с рефлексами так называемого *l*-epentheticum на восточнославянской почве, а также в ряде южнославянских язы-

ков (сербскохорватском, словенском). Если и для украинско-белорусской формы *шабля* также допустить развитие *l*-epentheticum в праформе **šabja*, то западнославянские формы придется признать украинско-белорусскими заимствованиями, поскольку на западнославянской почве *l*-epentheticum в этой позиции обычно не развивался.[1] Данное предположение на базе хорошо известной фонетической истории слова в корне противоречит обычным суждениям о заимствовании формы *шабля* из польского языка в связи с сильным влиянием польского языка на украинский и белорусский [2]. В случае неприятия тезиса об украинско-белорусском происхождении западнославянских названий с начальным *ш-* последние придется самым решительным образом отделить от форм с начальным *с-*, что представляется, однако, бесперспективным. Следовательно, славянский материал настоятельно диктует необходимость реконструкции двух параллельных праформ **sabja* и **šabja*, вероятно, восходящих к одному языку-источнику с недостаточным противопоставлением согласных *s* и *š*, представляющих собой в нем, вероятно, две факультативные разновидности (вариации) одной и той же фонемы. При поисках потенциального источника заимствования также весьма важно учесть, что конечный гласный реконструируемых славянских праформ представляет собой окончание, которое могло возникнуть и на славянской почве. В силу этих обстоятельств конечный гласный *-а* при поисках первоисточника может и не учитываться.

К. Г. Менгес для объяснения славянских слов обращается на Ближний Восток: «Первоисточник славянских, а с ними и всех других форм, семитский — араб. *сайф*, арам. *сайпā* 'меч, сабля', восходящий к егип. основе *шф-т* (ж. р.), при вокализации, вероятно, *шефет* 'каменный нож', отсюда исследователи выводят также греч. ξίφος 'меч; нож, кинжал', в современном также 'сабля; рапира, шпага'» [3]. Однако пути движения в Европу этого бродячего слова остаются неясными, поскольку следов этого слова в старых языках Восточной Европы не обнаружено, если не считать сравнительного нового заимствования *сәйф* в турецком и чагатайском языках (тур. *seyif*). Однако это сугубо книжное слово, не очень хорошо отраженное в живых языках даже тюрков-мусульман, едва ли может претендовать на роль непосредственного источника для славянских слов, особенно для форм с начальным *ш-*.

К. Г. Менгес также обратил внимание на казахское название кинжала *сапы*, которое он считал изолированным и этимологически неясным и на основании которого не решился сделать какие бы то ни было выводы, хотя еще полтора десятка лет тому назад мне удалось на основании «Опыта словаря тюркских наречий». В. В. Радлова (т. IV, СПб. 1911, стб. 981) найти более или менее подходящую параллель — «восточно-туркестанское» и турецкое *шап* 'прямой меч' [4]. Это сопоставление вполне закономерно, поскольку на казахской почве имел место переход старого тюркского *ш* в *с*, затронувший также и старые заимствованные слова казахского языка.

В дальнейшем проверка по тюркским языкам помогла найти еще несколько внутритюркских соответствий и значительно увеличить

ряд: казах. *сапы* 'кинжал' (өткір кішкене қылыш, қанжар); кирг. *шап* 'сабля меч' (эки миздүү канжар); узб. (устар.) *щоп* 'меч, сабля' (учи орқага қайрилган тиғли қилич); новоуйгур. *шап.* 'кинжал' [5].

Не вдаваясь в некоторые несоответствия между двусложным характером казахского слова и односложным в других тюркских языках Средней Азии, а также не обращая внимания на некоторые расхождения в показаниях двуязычных и толковых словарей (последнее легко видеть из сопоставления русских переводов с толкованиями), необходимо подчеркнуть, что все эти названия следует считать заимствованиями, поскольку начальный согласный *ш-* тюркским языкам был когда-то чужд и появился в них лишь в составе заимствований и в результате вторичных фонетических процессов [6]. В качестве источника, вероятно, выступали иранские языки, где, например в афганском языке, встречаем подходящее слово *шāб* или *шāп* со значением 'холодное оружие; кинжал, обоюдоострый клинок' [7].

Пока трудно сказать, было ли принесено это иранское слово в Восточную Европу тюрками (казах. *сапы*) или носителями северо-восточной ветви иранских языков скифами, сарматами, аланами. Скорее всего следует склониться в пользу второго предположения, несмотря на отсутствие этого слова в потомке скифо-сармато-аланских языков — осетинском. Во всяком случае, в Восточную Европу попало слово в двусложной форме, которая представляется более архаичной для иранских языков.

Вероятно, в основу славянского термина *сабля — шабля* было положено несингармонизированное (поэтому исключается тюркское посредство) скифо-сармато-аланское слово **sabi* ~ **šabi* с добавлением славянского окончания *-а*: **sabi+a* > **sabịa* > **sabja* > *сабля*; **šabi+a* > **šabịa* > **sabja* > *шабля*. Характерное для осетинского языка колебание в произношении переднеязычных сибилянтов от *с, з* до *ш, ж* в весьма широких пределах и непротивопоставление свистящих щипящим может быть перенесено в глубь истории, хотя греческая графика скифо-сарматских собственных имен точного ответа на вопрос о противопоставлении шипящих и свистящих у скифов и алан не дает [8].

Вопрос об отношении восточноиранского слова к семитскому (араб. *сайф*) пока остается открытым; во всяком случае, восточноиранское слово гораздо ближе к славянским фонетически, чем семитское. Без восточноиранского материала, независимо от его происхождения, сейчас этимологию славянского термина, вероятно, решать нельзя.

В заключение представляется целесообразным еще раз вернуться к моей статье «Из булгарского вклада в славянских языках. II», где сделана попытка объяснить колебания между формами *сабля* и *шабля* с опорой на соответствие *с-* ∾ *ш-* между большинством тюркских языков и булгарско-чувашским (ср. общетюркские и чувашские формы типа *сазан* ∾ *шаран* 'карп', *су* ∾ *шу* 'вода') [9]. Вероятно, эта попытка в свете новых данных теперь не может быть признана наиболее вероятной и вполне удачной в силу большого числа предполо-

жений и вынужденной опоры большей частью на реконструированные формы, которые выведены преимущественно лишь из славянского материала, хотя приходится считаться с большей обычностью начального *ш-* на булгарской почве при его экзотичности в прочих тюркских языках. Однако отдельные наблюдения, сделанные в этой статье, помогли обоснованию новой этимологии, которая соответствует общему историческому движению слова и предмета с востока на запад. Отдельные уточнения способна сделать лингвистическая география слова и историческая лексикология на основе текстового материала.

В связи со словом *сабля — шабля* в славянских языках стоит упомянуть еще об одном западнославянском загадочном названии меча, имеющим параллели в иранских языках. Речь идет о старочешском *šaršún*, имеющем старопольскую параллель *szarszun* в XVI в., причем предполагается, что польская форма зависит от чешской (Machek [2], 603; Brückner, 541). Близкие по звучанию слова с той же семантикой есть в иранских языках: курд. *şemşîr* [шамшир] ‘меч’, перс. *шамшир* ‘сабля, шашка; меч, шпага, рапира’, афг. *шамшер* ‘меч, сабля, шашка’ [10].

Есть это слово и в ряде современных тюркских языков: новоуйг. *шәмшәр*, *шәмшир* ‘меч, сабля; шпага’; узб. *шамшир* ‘клинок, меч, сабля, шпага’; кирг. *шамшар* ‘меч, сабля; кинжал’; каракалп. *семсер* ‘меч, сабля’, казах. *семсер* ‘сабля, меч’, причем последнее слово в «Казахско-русском словаре» Х. Махмудова и Г. Мусабаева (Алма-Ата, 1954, с. 298) помещено не на своем алфавитном месте.

Некоторое сходство с этими словами обнаруживает суахилийское *sansuri* ‘большой тесак с тупым лезвием’ [11].

Вместе с тем встает вопрос о связи иранского *шамшир* и западнославянского (чешско-польского) *šaršún* со значением ‘меч’, а также загадочного термина *шереширъ* «Слова о полку Игореве», поскольку последний гапакс представляет собой своеобразную фонетически промежуточную форму между иранским и западнославянским названием меча: *шамшир — шереширъ — šaršún*, но этот вопрос требует дополнительного рассмотрения. На западнославянской почве слово *šaršún* могло преобразоваться фонетически в результате контаминации с ср.-в.-нем. *burdûn* ‘кинжал’ (< ст.-франц. *bourdon* ‘копье’), которое на польской почве стало звучать *burderz* ‘кинжал, рапира’ под влиянием ср.-в.-нем. *burderîe* ‘рыцарский турнир’ [12]. Этот же германизм на сербской церковнославянской и древнерусской почве имел орфографический вид *брьдунъ* ‘вид меча’, что читается по-разному (Срезневский I, 184; СлРЯ XI—XVII вв. I, 330; Фасмер I, 152), но этимология поддерживает для древнерусского языка чтение *бордунъ* < *бърдунъ*. На чешской почве есть также близко звучащее по исходу слово *bodoun* ‘клинок, рапира’ (ср. ст.-чеш. *bósti*, *bodu* ‘колоть’). См.: ЭССЯ, 2, 154.

Даже если не принимать в расчет загадочный древнерусский гапакс из «Слова о полку Игореве» *шереширъ*, то поражает удивительная близость западнославянских и иранских форм, на что когда-то на основе другого материала обратил внимание О. Н. Трубачев [13].

Примечания

[1] См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. М., 1951, ч. 1, 209.
[2] См., например: *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968, 603—604.
[3] *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, 202. — Однако араб. *сайф* иногда рассматривают как грецизм, прошедший арамейское посредство: *Brünow/Fischer.* Arabische Chrestomatie aus Prosaschriftsteller. Leipzig, 1960, 61.
[4] *Добродомов И. Г.* Из булгарского вклада в славянских языках. II. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 192—194.
[5] Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954, 289 (однако см.: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911, т. IV, 404: *сапы* 'род кинжала, шашка'); Толковый словарь казахского языка. Алма-Ата, 1961, т. II, 246; *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965, 901; Толковый словарь киргизского языка. Фрунзе, 1969, 727; Узбекско-русский словарь. М., 1959, 545; Толковый словарь узбекского языка. М., 1981, т. II, 425; *Наджип Э. Н.* Уйгурско-русский словарь. М., 1966, 540.
[6] *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, 155.
[7] *Асланов М. Г.* Афганско-русский словарь. М., 1966, 537—538.
[8] *Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка. — В кн.: Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970, 555—556; Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, 329.
[9] Этимология 1968. М., 1971, 192—194. Впоследствии попытка уточнения с опорой на афг. *шāб*, *шāп* была предпринята мной в докторской диссертации «Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках» (М., 1974), см. с. 20 автореферата, но и это уточнение сейчас требует коррективов, как и ряд положений в статье: *Добродомов И. Г.* Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков (Соответствие *s*—*š*). — Советская тюркология, 1971, № 2, 81—92. Однако это предмет особого разыскания.
[10] *Курдоев К. К.* Курдско-русский словарь. М., 1960, 700; Персидско-русский словарь. М., 1970, т. II, 114; *Асланов М. Г.* Афганско-русский словарь, 552.
[11] Суахили-русский словарь. М., 1961, 350. Однако привлекать это слово сюда представляется преждевременным, как и амхарское название шпаги *šamla* для объяснения слова *сабля*. Русско-амхарский словарь. М., 1955, 918. Этому препятствует территориальная удаленность, неясность истории этих слов и опасность случайных созвучий.
[12] *Vasmer M.* Zum altpolnischen Wortschatz. — ZfslPh, XXVIII, 1, 1958, 118.
[13] См.: *Трубачев О. Н.* Из славянско-иранских лексических отношений. — В кн.: Этимология 1965. М., 1967, 81.